

УДК 378

Проект федерального университета как ответ «urbi et orbi»¹

Бухараев В.М.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры политической истории и мировой политики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается идея и практика федерального университета в контексте исторической эволюции университета как идеальной образовательной формы эпохи модерна. Акцентируется внимание на особенности вхождения современной российской высшей школы в мировую конкурентную среду. Выделяются основные направления структурно-содержательных преобразований системы образования: поддержка ведущих вузов, ставка на университеты как центры науки, мобилизация подходов «нового менеджерализма». Предпринимается социально-философская интерпретация процессов радикальной реформации сферы образования. Осмысливается опыт Казанского федерального университета в организационной сфере.

Ключевые слова: гумбольдтианский дискурс, реформа образовательной сферы, глобальный рынок, «университетизация» корпораций, «новый менеджерализм», «революция сверху», диктатура (для) развития, федеральный университет, человеческий капитал.

Истолкование феномена федерального университета предполагает определение его места на «генеалогическом древе» университета как идеальной образовательной формы, которая была явлена на свет божий в качестве особой общественной практики, функционально предназначенной для производства высокой культуры и её дериватов. Поэтому «золотой век» университета связан с периодом расцвета эпохи Просвещения, исторический смысл коей заключается в формировании больших национальных культур, которые приходят на смену разрозненным доменам аграграмотного – доиндустриального – общества [1]. Университет модерна выступает в роли форпоста процесса внедрения культуры текста в широкие слои артизанов, рекрутируемых в «наёмную армию труда», генерирует адекватные условиям индустриального общества идеологии, а также формирует корпорацию, члены которой идентифицируют себя в качестве движимых стремлением к истине экземпляров. Появление гумбольдтианского дискурса («идея университета») означало переход к восприятию высшего образования в качестве средства удовлетворения потребностей подготовки ин-

теллектуальной элиты и специалистов целого ряда гражданских профессий, которые раньше просто отсутствовали в государственном реестре [2, с. 18]. Базирующаяся на представлении о взаимосвязи исследовательских, образовательных и культуртрегерских задач классическая модель Гумбольдта и сходные с ней конструкции легли в основу обустройства университета Нового времени. Во всех своих хронопических модификациях он демонстрирует тождество с самим собой как новоевропейской глорией с присущим ей набором ценностей, включая гипостасис прогресса на основе торжества разума и распространения культуры, исполняющей функцию социальной унификации.

Ничто не даётся на вечные времена: вторая половина XX столетия стала для гумбольдтианской модели временем утраты её уникального социально-культурного значения. Один из наиболее внятно мыслящих социальных теоретиков З. Бауман пояснил, что быстрота исчезновения прежнего мира намного превосходит выработанную университетами

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-13-16001.

способность перестраиваться, поэтому современное общество «больше не нуждается в традиционных услугах университета и всё с большим подозрением смотрит на те ценности, которые они отстаивают, устанавливая взамен новые критерии престижности и влияния» [3, с. 172]. Для уяснения смысла крутого перелома в жизни университета модерна потребовалось проблематизировать сам модерн, поколебленный своеобразной всемирной революцией 1968 г. [4]. С учётом эпохальных сдвигов, обозначаемых в социальной и философской мысли как «постлиберализм», «постмодерн», «надсовременность» и т.п., канадский исследователь Б. Ридингс выявил нечто вроде лаканианского триединого синтома угасания великого нарратива Университета, связав воедино эпоху Просвещения, глобализацию и университет модерна. Университет, который был основным институтом распространения национальной культуры, теперь практически не участвует в этом, доставшемся в наследство от Просвещения, проекте. Транснациональная глобализация ведёт к относительному упадку национального государства в виде первичной инстанции производства капитала. Соответственно, культура – символический и политический эквивалент проекта интеграции, реализуемого национальным государством, утрачивает свою ценность. Это оказывает прямое влияние на классический университет, поскольку его *raison d'être* состоит именно в национально-культурной миссии [5].

Высокое служение порождает великие иллюзии, а у тех – свои сроки. Пробил час и просвещенческого мифа о «чистой» науке. В результате «восстания масс» и создания «общества потребления» возобладали прикладное умопонятие задач образования. Поэтому университет в привычном понимании прекращает своё существование, становится учреждением, сходным с промышленной корпорацией, научно-производственным холдингом/концерном и т.п. О смещении гумбольдтианского дискурса с основной позиции дискурсом рыночной координации сигнализирует доминирование в университетской среде идей постфордизма («экономики знаний»), а ключевыми словами как выраженными понятиями новоявленной дискурсивной формации становятся «обучение через всю жизнь», «компетенции», «конкуренция», «образовательные услуги», «интернационализация» и т.д. [6, с. 15].

У профита как первоидеи – своя логика. Вступив на поле экономической конкуренции, университеты стали уступать в области индустрии образования транснациональным корпорациям, международным правительственным и неправительственным организациям, иным сильным игрокам, в связи с чем функция профессиональной подготовки и переподготовки всё в большей мере переходит к краткосрочным учебным программам, курсам, мастер-классам

(past-education), которые формируют сами производственные и иные корпорации, не прибегая к услугам классических учебных заведений [7, с. 16]. Размывание границ между рынком образования и рынком труда ставит университет на грань нестабильности в глобальном измерении. Однако на мировой улице не бывает одностороннего движения. «Университизации» корпораций противостоит втягивание мировых университетов в процессы транснационализации, что отвечает их видоизменённой природе: «Поскольку университеты – это корпорации, их законной целью выступает завоевание глобального рынка» [8].

Интернационализация образовательной сферы лишь косвенно (в частности, через изменения в структуре научных направлений, номенклатуры специальностей) затрагивала советскую высшую школу, существовавшую в изоляции от процессов глобализации в рамках редистрибутивной госмонопольной системы. Вхождение отечественных вузов в мировую конкурентную среду – в качестве неизбежного следствия демонтажа «плановой экономики» в ходе радикальных перемен конца XX в. и перехода к рыночным реформам – потребовало решения как «внешних», так и «внутренних» задач, взаимосвязь которых была обозначена в докладе Всемирного банка за 2001 г. С одной стороны, тенденции мирового характера (интегрирующие последствия глобализации, революция в информационной сфере, повышение роли знаний в общественном развитии) влияют на формы, содержание деятельности и задачи высшей школы. С другой, – страны с переходной экономикой сталкиваются со старыми нерешёнными проблемами, среди которых – проблемы качества и соответствия образования современным требованиям, а также отсутствие гибкости в структурах и методах управления [9, с. 17].

Данный месседж был хорошо услышан в руководящих кругах нашего государства, поскольку ситуация в образовании фактически вышла из под контроля и нуждалась в нетривиальных мерах властно-административного регулирования. Эта сфера претерпела ряд изменений в ситуации собственного революционным периодам расстройств прежних механизмов регуляции общественной жизни и эскалации социальных ожиданий населения и групп влияния, которые в таких случаях нередко приходят в противоречие с интересами развития. Давление растущего рынка образовательных услуг, настойчивый запрос региональных и отраслевых лоббистов, не готовых конкурировать за выпускников на рынках труда, обернулись «стихийной трансформацией» [10] российского образования на основе «общественного консенсуса по поводу низкого качества такого образования» [11]. В результате произошёл трёхкратный рост количества студентов (с 2,6 млн. человек в 1993/94 уч. году до 7,4 млн. в

2010/11) и более чем вдвое увеличилось число вузов (с порядка 500 до свыше 1100). Таковы результаты «социальной сделки» девяностых: режим укрепился, качество образования снизилось.

Стабилизация посткоммунистического общества открыла дорогу поиску современной модели развития образования с учётом вызовов постиндустриальной эпохи и глобальной конкуренции. Разработка данных вопросов активизировалась с середины 2000-х гг., когда «произошёл разворот внимания элиты к проблемам человеческого капитала» [12]. Новая идеология образования получила отражение в программах его модернизации, рассчитанных на первое десятилетие века, включая Федеральную целевую программу развития образования на 2006-2010 гг. В этих текстах образование определяется в качестве источника развития основного конкурентного преимущества на мировом уровне и фактора устойчивого экономического роста страны – человеческого капитала. Уже к середине нулевых годов обнаружилось, что «большая часть мер, запланированных на первом этапе модернизации российского образования, не была осуществлена» вследствие – не в последнюю очередь – «противодействия различных общественных групп процессу модернизации образования» [13]. В условиях доминирования антиреформаторских настроений в вузовской среде² руководящие круги сделали ставку на «государственные веления» с опорой на группы экспертов, нацеленных на реализацию комплекса мероприятий, которые позволят стране «вновь встроиться в международную повестку развития высшего образования и претендовать на ведущую роль в глобальном образовательном пространстве в перспективе следующих 10-30 лет» [11]. У такой политики есть социологическая номинация: мы имеем дело с элементами метода преобразований, поименованного «революцией сверху» (в осовремененном варианте – диктатура (для) развития). В русле этого способа действий обозначились, по меньшей мере, три основных направления структурно-содержательных преобразований высшей школы.

Первое. Выделение и неординарная материальная поддержка ведущих (элитных) вузов, в основном, с учётом опыта современного Китая. Создание девяти федеральных и 29 национальных исследовательских университетов, отбор полутора десятков вузов, которые должны в форсированном режиме существенно повысить свою международную конкурентоспособность, – проявление этой линии.

² «Наделение университетов новыми статусами, распространение процессов слияния, утверждение новых принципов академических контрактов, параметров оценивания и ранжирования – всё это создаёт неопределённость и становится основанием для обвинений в посягательстве на университетские традиции и историческую свободу» [14].

Второе. Ставка на ведущие университеты как основные центры науки в видах достижения международной конкурентоспособности высшей школы. Университеты должны обрести ту роль, которую они играют в развитии научно-промышленного комплекса стран Запада, прежде всего США. Для этого сформирована система грантового (целевого) финансирования университетов с использованием значительной части ресурсов, направляемых на научные разработки.

Третье. Внедрение в университетскую среду властно-управленческих подходов «нового менеджализма» (корпоративизации учебных заведений) на основе сопряжения доминирующей иерархической структуры управления (преобладание вертикальных связей над горизонтальными) с регистрами линейно-функциональной (выделяются отделы с определёнными функциями) и проектной (создаются отделы под определённые проекты) структур управления. Обращение в высшей школе к управленческим технологиям бизнес-структур является одним из мировых трендов: «Сам университет, независимо от его юридического статуса или состава попечительского совета, обречён на превращение в корпорацию, заимствуя её критерии развития, формы управления, средства коммуникации и цели, стремление конкурировать на мировом рынке образовательных услуг» [8].

У «модернизации вдогонку» – вечный цейтнот. Посему федеральные университеты переводятся, по существу, на мобилизационный режим деятельности, при котором все ресурсы – на основе высокой степени централизации управления – направляются на решение считанного количества приоритетных задач. Это отчётливо прослеживается на примере Казанского федерального университета. Его система управления выстраивалась в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2006 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который предусматривал назначение ректора, отнесённого к номенклатуре Правительства России. Можно с большой долей вероятности предположить, что такой порядок назначения первого лица университета был установлен с учётом проблем, что возникли в процессе формирования «пилотных» федеральных университетов (особенно Южного) и преследовал цель минимизировать зависимость ректора от коллективов, объединяемых под эгидой новых научно-образовательных комплексов вузов, в которых были распространены оппозиционные настроения.

Но не только это. Для осуществления радикальных преобразований нужны были обладающие политической волей руководители, которые подбирались из числа лиц, хотя и связанных в разной степени с образовательной системой, но сформировавшихся, в основном, в качестве руководителей государ-

ственных органов и бизнес-структур. Понятно, что эти менеджеры перестраивали систему вузовского управления на властно-административных началах. Показательно, что уже на первых этапах реализации Программы развития КФУ основной структурной единицей вуза стал институт с фактически назначаемым директором, а не факультет с выборным деканом. Усилия в этом направлении продолжают наращивать руководящие инстанции, о чём свидетельствуют предъявляемые ими требования к тем вузам страны, которые на конкурсной основе получили право на государственную субсидию с целью энергичного продвижения в «топовую» группу мировых научно-образовательных центров. Среди этих вузов оказался Казанский федеральный университет, который внёс в свой устав изменения, отвечающие условиям активной реализации Программы повышения конкурентоспособности университета («Дорожная карта»), которая преследует цель превратить вуз в исследовательский университет с элементами предпринимательского. На период действия этого амбициозного проекта (2013-2020 гг.) под руководством ректора создаётся в качестве исполнительного органа Программы её Дирекция, к которой переходят основные полномочия Учёного совета и Конференции коллектива. Соответственно, в системе управления университетом возрастает роль должности ректора, который одновременно возглавляет Учёный совет и Дирекцию программы.

Исторический опыт свидетельствует, что если «революции сверху» и достигали определённых успехов, то они связаны с тем, насколько «революционерам в мундирах» удавалось пробудить в «низах», каких-то его влиятельных группах заинтересованность в переменах. Не так ли обстоит дело в ситуации нынешних преобразований в высшей школе, которые должны ответить на вызовы «города» и «мира»? Тогда автору остаётся только вполне в просветительском духе молвить, что залогом достижения целей современной реформации образования является сочетание двух начал: усиление роли органов оперативного управления и персонификация ответственности, с одной стороны, и развитие инициативы в самих подразделениях, на кафедрах и в лабораториях, – с другой. Иной вопрос, насколько это возможно в современных условиях развития страны.

Литература:

1. Бухараев В.М. Идея университета в современном мире: новое осмысление, подходы, отношения и понимание // Научный Татарстан. – 2006. – № 1–2. – С. 55–61.
2. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Аналитический доклад / Ред-сост. Л.Г. Ионин; Ин-т «Открытое общество». – М.: Логос, 2003. – 660 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. Бухараев В.М. История перед вызовом постмодернизма: «комплементарные» стратегии на полях научных изысканий // Clio Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. Вып. 6 / Под редакцией И.И. Шарифжанова. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2008. – С. 5-18.
5. Ридингс Б. Университет в руинах. Пер. с англ. – М.: Издат. дом Гос. университета – Высшая школа экономики, 2010. – 304 с.
6. Погосян В.А. Современный дискурс о миссии университета как междисциплинарная научная проблема // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. – № 129. – С. 108-119.
7. Бакиров В.С. Университет в поисках новой стратегии // Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI в. Тезисы Второй международной конференции университетов (МГУ им. М.В. Ломоносова, 27-28 ноября 2003 г.). – М.: МАКС пресс, 2003. – 521 с.
8. Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1940>
9. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / Доклад Всемирного банка / Пер. с англ. – М: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 232 с.
10. Фрумин И.Д., Кузьминов Я.И., Семенов Д.С. Незавершенный переход: от госплана – к мастер-плану. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/nezavershennyy-perehod-ot-gosplana---k-master-planu>
11. Волков А.Е., Ливанов Д.В. Университет будущего: ставка на новое содержание // Ведомости. – 2012. – 3 сентября.
12. Мау В.А. Человеческий капитал – вызовы для России // Ведомости. – 2012. – 10 апреля.
13. Доклад Государственного совета Российской Федерации «О развитии образования в Российской Федерации» 24.03.2006 г. – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears2/2006/03/24/103975.shtml>
14. Пресс-релиз к IV Международной конференции Российской ассоциации исследователей высшего образования «Университетские традиции: ресурс или бремя?». – URL: <http://educonf.hse.ru/2013>

The Project of Federal University as “Urbi et Orbi” Response

V.M. Bukharaev
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon the theory and practice of federal university in the context of historical evolution of university as an ideal educational form of modern era. Attention is focused on the particularities of entry of high school into the world competitive environment. Such directions of structural and substantial transformations of the system of education, as support of leading universities, focus on universities as scientific centres, mobilization of “new managerialization” approach, are pointed out. The author undertakes an attempt of social and philosophical interpretation of radical reforming of education and analyzes the experience of Kazan federal university in organizational sphere.

Key words: “Humboldtian” discourse, reform of educational sphere, global market, universitization of corporations, “new managerialization”, “revolution atop”, dictatorship (for) development, federal university, human capital.

